

ДК 32:33 (479.2)

ББК 66+65

Д 441

Д 441

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. - Ереван, Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. - 214 с.

Издание представляет собой русскую версию сборника статей о внутривосточном развитии стран Южного Кавказа, опубликованного в Германии в 2005 году Фондом Генриха Бёлля. Русское издание подготовлено совместными усилиями представительства Фонда Генриха Бёлля на Кавказе и Кавказского института СМИ. Авторы статей - ученые из Азербайджана, Армении и Грузии. Среди тем сборника - безопасность, выборы, СМИ, нациестроительство, экономика, коррупция, гендерные проблемы.

Редакторы Ивлиан Хаиндрава, Александр Искандарян

Художественный редактор Нина Искандарян

Дизайн обложки студии Matit www.matit.am

Макет студии "Коллаж"

Фото на обложке: студия Patker

ББК 66+65

Diaspora, Oil and Roses. What makes the countries of the South Caucasus tick. - Yerevan, Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute, 2005. - 214 p.

Editors Ivlian Haindrava, Alexander Iskandaryan

Literary editor Nina Iskandarian

Cover design by Matit www.matit.am

Layout by Collage Ltd.

Cover photo by Patker

ISBN 99930-78-74-3

© Фонд Г. Бёлля, КИСМИ, 2005

© 2005 Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute

Немецкое издание: *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidschan und Georgien.* Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. ISBN: 3-927760-48-X.

Рахман Бадалов

ДЕМОКРАТИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: НАЧАЛО XXI ВЕКА

- Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?
- Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти, - ответил Кот.
- Да мне почти все равно, - начала Алиса.
- Тогда все равно куда идти, - сказал Кот.

Л. Кэрролл, "Алиса в стране чудес"

Введение

Демократия в развивающихся странах - всегда вызов. Извне она представляется универсальной технологией, и поэтому *возможной* для всех стран, независимо от их исторического и культурного опыта. Изнутри она кажется *невозможной* из-за рецидивов тоталитарного сознания, привычки к патерналистскому покровительству, боязни рутинной работы, нетерпения и пр. Проблема демократии в развивающихся странах и есть проблема *возможности невозможного*.

Демократия в Азербайджане то забегают вперед, то шоткатывает далеко назад, то погружается в иллюзии, то впадает в состояние безразличия и апатии, то мнит себя в транзите, то разочаровывается в самой себе, а заодно - и во всем цивилизованном сообществе. Отвечая на вызовы извне, азербайджанское сознание обнаруживает изнутри все новые и новые внутренние барьеры, без преодоления которых серьезные демократические преобразования невозможны. Как много окажется этих внутренних барьеров, хватит ли воли на их преодоление, насколько затянутся эти процессы, покажет время.

И если правы те, кто считает, что демократия способна выжить, только становясь рефлексивной, т.е. описывающей и анализирующей свои действия, то необходимость рефлексии продолжает оставаться серьезным вызовом демократии в Азербайджане. Демократия в Азербайджане, как и в любой стране мира, должна узнавать и корректировать себя на каждом шагу, а не пытаться подпитывать свое будущее застарелыми иллюзиями, фальшивыми обещаниями и откровенным мифотворчеством. А это, в свою очередь, требует открытости и публичности взаимодействия между институализированными или спонтанными центрами мысли и обществом, способным воспринимать подобную информацию и отзываться на нее серьезными изменениями в политической и социальной структуре. Толь-

ко в этом случае можно будет говорить о реальных результатах посткоммунистической трансформации в Азербайджане.

Реалии истории в сознании азербайджанца

Азербайджан извне и изнутри обычно рассматривается на пересечении осей Восток-Запад и Север-Юг, причем асимметрично - с акцентом на Восток и Юг. Такая условная география во многом предопределила историю и культуру Азербайджана, а в новое время - и геополитическое место Азербайджана в мире. Изнутри подобная география и геополитика определяла культурную коллизию, когда национальные традиции (главным образом тюркские и исламские) в разные периоды азербайджанской истории вступали во взаимодействие с европейским культурным опытом; извне - нередко превращала Азербайджан в инструмент геополитических манипуляций.

Внутри такой исторической и культурной матрицы - своеобразного перекрестка культур и религий - азербайджанскому народу за последние 150 лет по крайней мере три раза пришлось основательно менять свою политическую и идеологическую систему. В первый раз это произошло во второй половине XIX века в результате промышленного бума, связанного с нефтью, ростом национального самосознания, новыми поисками национальной идентичности и более глубинным восприятием европейской культуры. Политическим итогом этих процессов стало создание Азербайджанской демократической республики (1918-1920 гг.) парламентского типа. Парламент АДР можно признать вершиной азербайджанского парламентаризма (а для начала XX века, возможно, вершиной всего парламентаризма на Ближнем и Среднем Востоке). В этом парламенте наряду с другими фракциями были представлены фракции этнических меньшинств, в т.ч. фракция "Славяно-русский союз", две армянские фракции - "Дашнакцутюн" и Армянская фракция - и т.д. Последние существовали несмотря на напряженные в то время взаимоотношения с Арменией.

Во второй раз это случилось после экспансии Красной Армии и включения в состав СССР. Советская политическая риторика объявила СССР Союзом независимых национальных республик, некоторые из которых даже были представлены как субъекты международного права (де юре). Но в реальности (де факто) национальные республики были сателлитами центра, что достаточно полно выражала формула "Москва. Кремль", как символ всей страны.

В третий раз - уже после развала СССР и обретения независимости, когда пришлось осваивать парадигму цивилизованной жизни: демократия, правовое государство, либеральная экономика, права человека и пр.

Столь резкая и глубинная смена "исторических эпох" (почти исторические катаклизмы) за столь короткий исторический период не смогла не сказаться на сознании современного азербайджанца. Во-первых, мир за порогом собственного дома стал им восприниматься как "чужое пространство", к которому следует адаптироваться, не ставя перед собой задач, выходящих за рамки семейного благополучия. История страны (государства, народа) становилась "посторонней", никак не связанной с реальной жизнью. Во-вторых, поскольку близкие по времени "исторические эпохи" воспринимались совершенно дискретно, выветривалась сама "история", а понятия "перехода" (transition) трансформировались в привычные внеисторические стереотипы типа "ничего измениться не может", "как было раньше, так всегда и будет". В-третьих, это привело к расколу общества, где одни группы людей никак не могли соотнести свои интересы с интересами других групп людей. Социальные и культурные различия утратили свою естественность, стали болезненными, поскольку больше не санкционировались ни традициями, ни историей. Трещина внутри "своих" порождала все новые и новые модификации оппозиции "свой-чужой" ("националист-космополит", "горожанин-сельчанин", "азербайджаноязычный-русскоязычный", "коренной бакинец - пришлый бакинец", "тюрок - не тюрок", плюс различные сленговые уничижительные названия для мигрантов, плюс непроходимые барьеры между элитой и массами, плюс болезненная реакция на одностороннюю региональную представленность власти и т.д.) и продуцировала драматические коллизии. В-четвертых, большинство населения стало воспринимать как должное свою полную зависимость от государства, политическая и гражданская мимикрия стали нормой поведения, а такие политические и гражданские реалии, как "суд", "партии", "парламент", "выборы", "права человека" и пр. стали восприниматься как чистые фантомы.

Как отнестись к подобному историческому опыту с точки зрения возможности построения демократического общества? Может быть, он аналогичен для всех постколониальных стран? Всегда ли он негативен? Скажу только, что рефлексирующей азербайджанской демократии (а иной она просто быть не должна) придется прежде всего фокусировать свое внимание на таком круге вопросов, как демок-

ратия и азербайджанское

Просвещёние, демократия и поиски национальной идентичности, демократия и национализм, демократия и авторитаризм (авторитаризм как "сверху", так и "снизу"), демократия и исламские ценности, причем рассматривать все эти вопросы в системном единстве. В азербайджанском Просвещении, в равной мере интенсивном и нетерпеливом, реалистичном и наивном (пожалуй, в любом Просвещении есть эта переоценка возможностей переустройства мира с помощью Разума) была сделана попытка сформулировать национальную идею; национальная идея дала толчок поискам национальной идентичности; поиски национальной идентичности, в свою очередь, провоцировали национализм различного толка; национализм превращал народ в актора политических процессов, и одновременно провоцировал новый интерес к исламским ценностям. В конечном счете, национализм давал толчок демократическим процессам и сам же его осаживал, поскольку, как правило, национализм способен оперировать только упрощенными моделями, в том числе и упрощенной моделью демократии¹.

Все эти исторические катаклизмы породили такие черты ментальности современного азербайджанца, как подчиненность обстоятельствам, готовность к мимикрии, привычка к тому, что тобой постоянно манипулируют, неразвитость чувства внутренней свободы и независимости, боязнь публичности и открытости, отказ от самопознания.

С подобным мироощущением мы и начали демократические преобразования после обретения независимости.

Азербайджан в годы независимости

Десять лет независимости Азербайджана можно разделить на два асимметричных и по времени, и по сути периода (третий период начинается с президентских выборов 2003 года и о нем говорить преждевременно).

Первый период правомерно назвать стихийно-демократическим в силу того, что он имел характер антиимперского и антитоталитарного протеста. По формам социального действия он так и не вышел за границы "восстания масс" и митинговой демократии, и завершился

---

¹См. Гия Нодия "Национализм и демократия" и ответ Френсиса Фукуяма "Опасный попутчик", комментарии к работе Г.Нодия "Национализм и демократия".

менее чем годичным правлением Народного Фронта Азербайджана (НФА). Толчок этому движению дали перестроечные процессы в Советском Союзе, а непосредственным катализатором стали события в Карабахе (вызовы извне и изнутри)². Но движение это столкнулось не только с сопротивлением просоветски настроенной политической номенклатуры, но и - что очень характерно - с сопротивлением массового сознания, привыкшего к "не участию" и "не присутствию".

В целом демократию в Азербайджане в годы правления НФА можно определить как неинституализированную демократию.

Во-первых, гражданское общество в стране было в зачаточном состоянии (число неправительственных организаций было мизерным, полностью отсутствовало местное самоуправление, многопартийная система только формировалась и т.д.).

Во-вторых, организационный корпус НФА не обладал достаточным количеством административных кадров (подсчитано, что приблизительно из 5 тысяч административных постов представители НФА занимали около 267).

В-третьих, "лицо" этой власти (не только в социальном, но даже в физиогномическом смысле) оказалось настолько непривычным, что напугало обывателя, всегда боящегося перемен, тем более, что на местах среди руководителей этой власти оказалось немало озлобленных неудачников с непомерными амбициями. У НФА отсутствовала привычная аура власти, что сказалось на отношении общества (широко распространились пародии, анекдоты, уничижительные ярлыки и т.п.).

Вместе с тем время этой власти выплеснуло народную энергию, возможно, во многом хаотическую, которая так и не смогла найти свои "берега".

Главным лозунгом нового президента Азербайджана Гейдара Алиева и его команды, стала замена "некомпетентных" лиц с улицы, "компетентными" государственными (главным образом бывшими советскими партийно-номенклатурными) лицами. По своим убеждениям эти новые-старые люди были далеки от демократических ценностей, только-только начинали осваивать демократическую фразеологию, но привыкли к авторитарным методам правления и жесткой иерархии властных структур.

Как и во многих постсоветских странах, в Азербайджане инсти-

---

²Подробнее см.: Аббасов Али, Фурман Дмитрий. Азербайджанская революция. // Азербайджан и Россия. Общества и государства. - М., 2000. - С.118-176.

тут президентства заполнил собой своеобразный политический вакуум в условиях, когда политические партии, политическая элита и институты гражданского общества не обрели должной устойчивости. Публично высказываемые опасения, что президент может сосредоточить в своих руках всю полноту власти, и режим перерождаясь в авторитарный, не воспринимались населением как серьезная угроза, поскольку только всевластие сильной личности ("сильная рука") представлялось гарантией стабильности и порядка.

Начиная с первого президентства Гейдара Алиева (1993-98 г.г.), власть официально декларировала приверженность демократическим ценностям, в парламенте были представлены оппозиционные партии, но демократия в Азербайджане все больше приобретала управляемый характер, отвечая на внешние "вызовы" главным образом имитацией демократических преобразований. Идеология же для внутреннего пользования эксплуатировала роль политического лидера как исторического "спасителя" нации, чье возвращение обеспечило общественную стабильность и создание азербайджанского "государства".

Период после смерти Гейдара Алиева только начался, но начался так, как будто ничего не изменилось в нашем обществе: грязные политтехнологии на президентских выборах, а там где этого оказалось недостаточно - жестокое насилие, дубинки полицейских, аресты, пытки, прямое пренебрежение мнением международного сообщества. Кажется, азербайджанская власть сумела адаптироваться к новым условиям (уроки Гейдара Алиева), фактически пренебрегая оппозиционным мнением в стране и вяло реагируя на упреки международных организаций. Мир, как изнутри, так и извне, оказался для новой-старой азербайджанской власти совершенно безопасным, и пока ничто не может поколебать этой её уверенности.

Гейдар Алиев и "гейдаралиевы"

Невозможно говорить о политической и не только политической истории Азербайджана конца XX - начала XXI века без обращения к фигуре Гейдара Алиева. Демократия в Азербайджане последних 10 лет - это, несомненно, управляемая демократия, а управлялась она прежде всего одним человеком - Гейдаром Алиевым. Демократия в Азербайджане последних 10 лет - это не только проявление глубинных процессов, всколыхнувших общество, но и результат политических маневров Гейдара Алиева; иначе говоря - его умения воздей-

ствовать на лица и обстоятельства так, чтобы они не вышли из под его контроля, чтобы всегда были подвластны его воле, чтобы ни в малейшей степени не подвергли опасности самого Гейдара Алиева, его семью и его близких. Умение полностью контролировать ситуацию - возможно, ключевое качество Гейдара Алиева.

Гейдар Алиев около 30 лет проработал в системе НКВД-КГБ, стал советским генералом КГБ и от методов КГБ (все тот же полный контроль над ситуацией и над людьми) так и не отказался. Как ни один из азербайджанцев, он сумел войти в высший круг советского политического истеблишмента и до конца жизни гордился этим своим карьерным ростом (политическая карьера стала для Гейдара Алиева подтверждением его "превосходства" над всеми остальными азербайджанцами). Да и в годы, когда должность Гейдара Алиева называлась первый секретарь Коммунистической партии Азербайджана, и когда называлась Президент Азербайджанской Республики, Гейдар Алиев создал и сохранил режим авторитарной личной власти и тем самым во многом выхолостил Азербайджанское общество.

Но как возможно почти 33-летнее правление одного человека в стране без соответствующей реакции этого общества на это правление, и разве в этом смысле портрет одного человека не становится коллективным портретом всех его соотечественников? Как случилось, что посткоммунистическая эйфория в Азербайджане так быстро сменилась возвращением бывшего коммунистического руководителя во власть? Кто станет утверждать, что политические действия Гейдара Алиева не были затребованы самим временем как в Азербайджане, так и за его пределами? В чем причина того, что Гейдар Алиев не воспринимался мировой общественностью как одиозная фигура, в отличие, скажем, от руководителей постсоветских Беларуси или Туркмении? Может быть, фигура масштаба Гейдара Алиева не должна рассматриваться только в политическом ракурсе; разве трудно предположить будущего писателя, которому Гейдар Алиев будет интересен просто как человек, проявивший огромную волю и невероятную силу духа, победивший самые неблагоприятные обстоятельства жизни, своими руками создавший свою судьбу? Ведь хотя официальный траур по поводу смерти Гейдара Алиева в стране закончился, по азербайджанскому телевидению практически каждый день выступают изошренные интеллектуалы от власти, придумывающие все новые и новые обоснования того, что мы, азербайджанцы, потеряли гения, равного которому не было в нашей истории, который создал "современный Азербайджан", который в советское время

был едва ли не диссидентом. Известный теолог и академик национальной Академии, ссылаясь на религиозные сакральные тексты, объясняет телезрителям богоизбранность Гейдара Алиева; работает комиссия по увековечению памяти президента, причем поступают предложения самые экстравагантные, например - установить в море огромную статую Гейдара Алиева (наверное, соревнуясь с американской статуей Свободы). А в это же самое время наиболее радикальные оппозиционные издания Азербайджана пишут о Гейдаре Алиеве как о типичном диктаторе XX века и пространно цитируют "Осень патриарха" Габриэля Гарсия Маркеса, находя прямые параллели романа с последним периодом жизни и смерти Гейдара Алиева.

В отличие от других мифов, политический миф, как правило, оказывается недолговечным и очень быстро разрушается под первым же серьезным вызовом времени. Нетрудно предположить, что подобное рано или поздно (скорее рано) произойдет и с политическим мифом Гейдара Алиева. Но что произойдет с реальным алиевским наследием в умах и душах азербайджанцев, в том числе - в умах и душах политической и интеллектуальной элиты? Как скажется это на нашем будущем? Возможна ли в современном Азербайджане серьезная рефлексия по поводу того, что произошло с нами за последнее десятилетие? Если таковая окажется возможной (пока в это верится с трудом), то, прежде всего, придется подвергнуть глубокому анализу растражированную сегодня в Азербайджане мысль о том, что Гейдар Алиев спас страну от хаоса, построил нашу государственность, поднял наш престиж на международном уровне и т.п. Придется ответить, существуют ли какие-либо общенациональные интересы, во имя которых государство может прибегнуть к изощренным, а если необходимо - и грубым способам, чтобы разрушить любое серьезное оппозиционное мнение, а ведь не трудно предположить, что сегодняшняя власть окажется последователем "успешной" политики Гейдара Алиева. Считать ли достоинством, если одному человеку удастся успешно управлять не только государством, но и обществом, пренебрегая конституцией страны? Стоит ли восторгаться тем, что один человек лично контролирует все серьезные финансовые потоки внутри страны? Может ли существовать сильное государство при слабом гражданском обществе и какой смысл в подобном государстве для обычных граждан? Почему сразу за порогом нашего разочарования во власти начинается наше уныние; почему разочаровавшись в одном человеке, теряется вера в общество нормаль-

ных людей, где не Отец-спаситель будет решать наши судьбы, а мы сами, выбирая, контролируя, избирая и переизбирая? Как совместить патерналистские тенденции, столь типичные для азербайджанского сознания, и создание демократических институтов, исключающих какую-либо "отеческую" заботу?

Адам Михник, известный польский диссидент, рассказывал свой вариант притчи Платона о человеке и пещёре. По версии Михника, мы десятки лет пытались прорваться в пещёру, вход в которую охранял, казалось бы, несокрушимый идол коммунизма. Наконец нам удалось его сокрушить, прорваться в пещёру, и там, к своему ужасу, мы обнаружили огромное количество не менее мощных идолов, о существовании которых мы и не подозревали.

Так и мы десятки лет пытались (пытаемся) сокрушить идол "Гейдар Алиев", и когда нам это окончательно удастся и мы прорвемся в пещёру, то обнаружим там огромное количество идолов "гейдаралиевых", о существовании которых и не подозревали. Только тогда, с борьбы против этих идолов, и начнется борьба за подлинную демократию в Азербайджане.

Азербайджанская оппозиция между "вчера" и "завтра"

И в преддверии президентских выборов, и после них, тема оппозиции не сходит со страниц азербайджанских газет. Раздаются слабые призывы к диалогу со стороны власти, хотя вряд ли они могут иметь конструктивную основу, если на протяжении более десяти лет оппозиция объявлялась едва ли не главным виновником всех бед, врагом номер один общества. После выборов критика оппозиции стала раздаваться не только со стороны правительственных газет, но и со стороны как "центристских", так и радикальных изданий³.

В потерпевшую поражение на выборах оппозицию (пусть даже "де факто" не проигравшую) все норовят бросить камень, то ли в отместку за свои несбывшиеся надежды, то ли как симптом всеобщего уныния и разочарования.

На мой взгляд, многие из тех, кто отрешивается от азербайджанской оппозиции, не отдают себе отчета в том, что существование оппозиции позволяет им по крайней мере сохранить ту или иную степень независимости даже в частных, не политических вопросах

³См. например: "Оппозиция в растерянности. Даже можно считать, что в прострации" (газета "Зеркало", 11 декабря 2003). Первая строчка названия набрана крупным шрифтом на всю страницу, наверное, чтобы читатель оценил все общественное значение этой "растерянности" и др.

(меньше бояться любого "начальства", меньше притворяться, спокойно покупать и читать самые радикальные издания на глазах у всех и т.д.). Можно признать, что азербайджанская оппозиция сделала не так уж много для того, чтобы мы стали цивилизованным обществом, с нормально функционирующими правовыми институтами, но в то же время нельзя не признать, что именно азербайджанская оппозиция помогала и помогает нам преодолевать в сознании людей тоталитарное советское прошлое.

Вместе с тем, все это было *вчера*. Закончился важный этап в истории нашей демократии, начавшийся с многотысячных митингов на площади "Азадлыг" на рубеже 1980-90-х годов, продолженный годичным правлением НФА, прошедший через множество других явлений, и завершившийся октябрьскими событиями в Азербайджане. Приходится признать, что этап этот пройден безвозвратно (рецидивы теперь могут быть только жалкими и комическими). Что-то кончилось. Кончилось поражением, если не считать поражение смертью; ведь иное поражение стоит иных побед, если хватает мужества его честно осмыслить. 100-тысячный митинг оппозиции, всего за несколько дней до выборов 15 октября 2003 г., разоблачительные выступления оппозиционных кандидатов по телевидению (вне избирательной кампании такой возможности у них не было и нет сегодня), которые взбудоражили общество, предчувствие возможной победы оппозиционных сил (в этом предчувствии были и сомнения, и бездумное возбуждение, но был и подлинный духовный подъем), сами президентские выборы, прошедшие с невиданной для азербайджанского общества активностью, а затем спад, разочарование в реакции мирового сообщества на события в Азербайджане⁴. И запомнившееся всем азербайджанцам поведение посла Норвегии в Азербайджане Стейнара Гила, который ясно и недвусмысленно заявил, что демократия, свобода и гуманизм не имеют альтернативы и не могут быть разменной монетой даже для дипломата высокого ранга⁵. Но все это пусть продолжающееся, но уже *вчера*.

Не соглашаясь со многим из того, что продолжают писать об азербайджанской оппозиции, склонен считать, что минувшие президентские выборы в Азербайджане должны стать для оппозиции неким рубежом, за которым последуют новые идеи и новые действия.

⁴Показателен в этом смысле вопрос известной в Азербайджане правозащитницы Арзу Абдуллаевой "Международные институты нас предали?", вынесенный газетой в заголовок интервью (газета "Обозреватель", 26 ноября, 2003 г.). От разочарования в мире до разочарования в себе - один шаг.

⁵Газета "Эхо", 13 декабря, 2003 года, стенограмма на сайте [www. echo-az.com](http://www.echo-az.com)

Умение пролонгировать будущее (*завтра*) - важное качество любых живых систем; если они продолжают оставаться *живыми системами*.

Гражданское общество в Азербайджане

А. Миф о стабильности и гражданское общество

В дискуссии о гражданском обществе есть проблема, имеющая непосредственное отношение к общественным и политическим реалиям Азербайджана. В виде формулы его можно выразить так: "стабильность против демократии" (важная его модификация - "сила против диалога"). Практически вся политическая риторика азербайджанской власти на протяжении почти всех последних 10 лет строилась вокруг мифа о стабильности: стабильность = заслуги президента, стабильность = конец хаоса и дилетантизма в политике, стабильность = успешное государственное строительство и т.д. Все, кто позволяет себе выступать против тождества "Стабильность = Президент = Государство = Нация = Азербайджанский Народ", деструктивны и просто враждебны. К ним относят те партии, НПО, СМИ и другие организации гражданского общества, которые не подчиняются управлению сверху.

Полемицировать с мифом бессмысленно и бесперспективно. Но сама проблема "стабильность против демократии" очень серьезна, в ней много различных аспектов, от политических до психологических (а, возможно, и психиатрических), и к становлению гражданского общества в Азербайджане она имеет прямое отношение. Проблему эту можно свести к трем следующим вопросам: как возможно становление гражданского общества в постсоветских, посттоталитарных странах? Какие модификации может принимать гражданское общество в подобных странах? Как возможно гражданское общество там, где культурные и ментальные традиции не содержали предпосылок демократии (возможно, в данном случае следует говорить о предпосылках не демократии, а техногенной цивилизации)?

Все постсоветские страны (в наименьшей степени - страны Балтии) вышли из советского тоталитарного строя. За несколько поколений существования в СССР мы привыкли к тому, что вся наша жизнь от государственного родильного дома до государственного кладбища проходит внутри государства и под его постоянным контролем. Социальная структура постсоветских обществ в первые годы после независимости также оказалась примерно одинаковой: прези-

дентская власть с практически неограниченными полномочиями (в Азербайджане политическая риторика представляла и продолжает представлять Гейдара Алиева абсолютным синонимом Президента), бюрократия, выступающая в экономике как сверхмонополист (в Азербайджане сама бюрократия находится в полном подчинении Президента и его семьи), и составляющие большинство населения люмпенизированные слои (прежде всего люмпенизированно сознание). Частично в тех или иных постсоветских странах стал формироваться небольшой слой, условно говоря, "олигархов", но практически везде (Азербайджан не исключение), они вынуждены подчиняться не требованиям рынка, а правящему клану (Семье). Поэтому можно сказать, что в Азербайджане политическая власть стала использоваться как инструмент получения сверхприбылей, что делает неизбежной авторитарную, бюрократическую, коррумпированную систему власти. Если добавить к этому, что соединение власти и собственности с неизбежностью порождало зависимую от власти судебную систему, и с той же неизбежностью юридические права человека и гражданина подменялись привилегиями (большими или меньшими в зависимости от места в вертикальной иерархии), то не стоит удивляться, что подобные "общества" получили название "неофеодализма".

Как в таких условиях возможны институты гражданского общества? Ведь первые его ростки в Азербайджане должны были найти себе социальный люфт именно в подобном "обществе" (точнее - в подобном "государстве"). И эти ростки могли возникнуть только под воздействием вызовов извне, прежде всего - благодаря международным фондам и мировому информационному пространству, в котором оказались постсоветские страны, когда окончательно рухнули советские информационные преграды. Институты гражданского общества (в сущности, это были "недоинституты", как само гражданское общество было "недогражданским обществом") рекрутировали в свои ряды многих активных и предприимчивых граждан (честных и бесчестных, нравственных и беспринципных), которые в зависимости от общественного темперамента вовлекались в политические партии, в неправительственный сектор (НПО), в СМИ. Однако социальное пространство гражданского общества сдавливалось со всех сторон; главным образом - государством, которое пыталось держать этот сектор под своим контролем, но заодно - и самим "обществом" (люмпенизированным населением), которого страшило независимое существование без государственной опеки. В Азербайджане, как, на-

верное, и в большинстве постсоветских стран, вряд ли (по крайней мере - в транзитный период) могла возникнуть атмосфера публичности, состязательности и свободной "пульсации", все то, что Юрген Хабермас относит к понятию "общественности". В той же степени трудно ожидать, что в ближайшее время будут построены институты гражданского общества, публичные и открытые - во-первых, способные к установлению многомерных, коммуникативных связей - во-вторых, способные защититься от власти бюрократического, корпоративно-авторитарного государства - в-третьих, сохраняющие спонтанность, но способные избежать чрезмерного корыстолюбия и эгоизма личных (семейных) или групповых интересов (в Азербайджане последнее остается особенно актуальным) - в-четвертых, в-пятых, в-шестых, в-десятих... Остается надеяться, что вызовы изнутри будут продолжены, а вызовы извне не ослабнут. И ещё на то, что победит понимание того, что хотя бы без частичного обособления общества от государства демократия невозможна.

Наконец, третий круг вопросов, связанный с культурной и ментальной матрицей, которая может препятствовать (или не препятствовать) становлению демократии (или техногенной цивилизации) вообще, и институтов гражданского общества (в том виде, в каком о них говорилось выше) - в частности. Были ли в Азербайджане историко-культурные и ментальные предпосылки для подобного скачка? Но это уже тема, выходящая за рамки не только настоящей статьи, но, возможно, и проблем демократии в современном мире (посткоммунистические трансформации должны в этом случае рассматриваться в контексте то ли диалога, то ли войны цивилизаций, а возможность демократии в постсоветских странах - в контексте возможности усвоения культурно-генетического кода техногенной цивилизации).

Б. Институты гражданского общества в Азербайджане

Самым значимым завоеванием гражданского общества в Азербайджане следует признать становление неправительственных организаций (НПО). Движение НПО началось в Азербайджане в 1991 году, сразу после обретения независимости и одновременно с тем, что многие международные фонды, открыли в Азербайджане и в южнокавказском регионе свои офисы. Сегодня в Азербайджане зарегистрировано около 2000 НПО (данные на ноябрь 2003 г.); из них приблизительно 25% - активно действующих. Их деятельность охватывает сферы защиты прав человека, экологии, здравоохранения и

образования, проблемы инвалидов, детей, молодежи, гендерные проблемы, проблемы миграции.

Однако движение НПО в Азербайджане остается уязвимым по следующим причинам:

- государство монополизировало социальную сферу, не видит в НПО социального партнера, и потенциально готово к прямым или скрытым репрессивным мерам, чтобы не дать НПО стать самостоятельной, независимой силой;
- среди большей части населения, привыкшей к патернализму в социальной сфере, бытует недоверие, а подчас - и агрессия в отношении к НПО (один из негативных ярлыков - "грантоеды" - по существу есть реакция люмпенизированного сознания);
- недоверие к НПО со стороны государства и населения мешает самим НПО до конца преодолеть прямые или скрытые тенденции государственного попечительства и предпочесть работать в открытом публичном пространстве (отдать предпочтение коммуникативным и социально-правовым технологиям);
- в условиях отсутствия финансирования со стороны государства, НПО во многом остаются клиентами западных фондов, что заставляет их приспосабливаться к существующим в этих фондах приоритетам;
- сохраняется разрыв между выполняемыми проектами и реальными проблемами и потребностями общества (населения);
- труднодостижима финансовая устойчивость НПО, поскольку НПО фактически не вовлечены в реальный рынок услуг.

Любая инновационная программа предполагает активных агентов общества, но если инициатива этих агентов, объединяющихся в добровольные организации, будет постоянно сдерживаться, сектор НПО в Азербайджане останется вечным иждивенцем западных фондов, в лучшем случае занимаясь благотворительными акциями.

В новых условиях политика социального инвестирования власти должна заключаться не в новых льготах и привилегиях, а в создании правового пространства, в котором только и возможна самореализация граждан. В Азербайджане же даже такой простой вопрос, как юридическая регистрация НПО, становится в руках властей способом давления на НПО (ещё одно проявление т.н. "управляемой демократии"). Вместе с тем недавняя борьба против отмены принятой парламентом поправки к закону о грантах (июнь 2002 года), которая была направлена на подчинение НПО исполнительной власти на местах, показала, что азербайджанские НПО становятся реальной

общественной силой, и в необходимых случаях способны консолидироваться.

Другим важным сектором гражданского общества в Азербайджане могли бы стать органы местного самоуправления (муниципалитеты). Законы по местному самоуправлению в Азербайджане были подготовлены ещё в 1997 году, но не были утверждены парламентом страны. Измененное законодательство было принято лишь в 1999 году, и тогда же состоялись первые и пока единственные выборы в муниципалитеты. Они породили невиданную до тех пор электоральную ситуацию в стране: в целом по Азербайджану было создано 27000 муниципальных органов. Вместе с тем и сами выборы, и первые итоги работы муниципалитетов показали, во-первых, что само существование муниципалитетов, как формы множественности в сфере управления, остается чужеродным существующей в Азербайджане философии власти. А во-вторых - полную неподготовленность населения к идеям и практике местного самоуправления. Не только избиратели, но и первая волна избранных в муниципалитеты, имели крайне скудные и запутанные представления о местном самоуправлении.

Властные структуры, создавая муниципалитеты (прежде всего - под давлением международного сообщества), "допустили" на общественную сцену достаточно большое число представителей оппозиции, но делиться полномочиями со вновь организованными органами не пожелали. Так, согласно ст. 7 Закона о земельной реформе, часть земель была передана во владение муниципалитетов с тем, чтобы на доходы от этих земель они смогли финансировать свои программы. Однако в последующем был принят Земельный Кодекс, согласно ст. 46 которого те же земли были отняты у муниципалитетов. Благодаря этому Кодексу законодательная и исполнительная власти (надо ли повторять, что в условиях азербайджанского "неофеодализма" обе ветви - составные части единой вертикали власти) существенно ограничили финансовые источники местных органов "самоуправления". В Баку исполнительная власть взяла под свой контроль те сферы деятельности, которые по закону должны быть переданы муниципалитетам (реклама и т.д.) Наконец, ещё один пример, который можно назвать и анекдотическим, и трагифарсовым. В журнале "Ганун" ("Закон") приведена сравнительная таблица разделения полномочий между исполнительной властью на местах и муниципалитетами. Практически во всех пунктах (сельское хозяйство, транспорт, связь, торговля и т.п.) полномочия пересекаются,

хотя уже на основе таблицы можно убедиться в том, что полномочия исполнительной власти значительно превышают возможности муниципалитетов. Только в одном пункте, графа полномочий исполнительной власти остается пустой: "организация ритуальных услуг и охрана кладбищ" (хотя вряд ли хоть один реальный финансовый источник - и ритуальные услуги не исключение - может оказаться в руках муниципалитетов).

Приходится констатировать, что большинство муниципалитетов практически бездействуют. Только небольшая часть наиболее предприимчивых председателей муниципальных органов умудряется находить скудные средства, чтобы осуществлять самую мизерную деятельность, хотя несомненно от будущего муниципалитетов зависит не только местное самоуправление, но и восстановление исторического культурного разнообразия Азербайджана.

"Управляемая демократия" - по существу эвфемизм, означающий отсутствие гражданского общества; поэтому нетрудно предположить, что проблема "гражданское общество против управляемости" останется главным вызовом "проекта демократии" в Азербайджане. Но в любом случае "гражданское общество" в Азербайджане остается главной сферой, где человеку предоставлена возможность самоопределения, а следовательно, свободы или, что то же самое, сознания присутствия в этом мире. Такое сознание, если оно появилось, уже неискоренимо, даже если кажется, что оно заглушено, зажато, полностью "управляемо". Оно просто ждет своего времени.

Баку: город и страна

О столице в контексте настоящей статьи говорится в тех пределах, в которых его история и современность сказываются на демократических процессах в Азербайджане. Парадокс заключается в том, что индустриальный и постиндустриальный Баку стимулирует демократию в Азербайджане, но в то же время по многим причинам, сама реальность Баку, будто подменяющего собой остальной Азербайджан, и ставшего олицетворением авторитаризма, превращает его в барьер на пути демократии в Азербайджане.

В начале XIX века Баку невозможно было идентифицировать со страной, столицей которой он впоследствии станет. Поэтому есть основания утверждать, что хронотопы (точки схода определенного пространства с определенным временем, составляющие некий культурный и исторический феномен) Баку и Азербайджана только в но-

вейшее время начали сходиться, пересекаться, потом совмещаться, а впоследствии -взаимоотожествляться, доходя до своих крайних пределов, когда один хронотоп грозит разрушить другой.

Несомненно, урбанистическое развитие Баку стимулировалось завоеванием Российской империей. Об этом позволяет судить и постепенное вытеснение аграрных функций, и динамика численности населения и более тщательный учет его состава, и некоторые другие характеристики развития экономики, просвещения и пр. При этом город во многом продолжал оставаться аграрным, хотя и со сложившейся дифференциацией ремесленных профессий (возможно, наследие развитого средневекового города), частично обслуживающих аграрную деятельность.

Ситуация резко меняется с возникновением нефтяного бума. Начинается стремительное индустриальное развитие города, характерное для "городов-грибов", выросших около сырьевых источников: строительство порта и железной дороги, интенсивный приток населения и становление большой городской агломерации, возникает торговый и административный центр города, строятся роскошные частные дома, многие из которых стали со временем архитектурными памятниками. Постепенно развивались различные формы городского самоуправления, хотя и с сохранением отчетливой границы между гражданским и военным правлением (империя!), вплоть до возникновения АДР.

В советское время Баку становится столицей Советской социалистической республики, со всеми вытекающими отсюда символами и ритуалами. Развивается промышленность, возникает город-спутник. Баку превращается в образовательный и культурный центр страны, со множеством учебных заведений, научно-исследовательских институтов, библиотек, театров, кинотеатров.

В годы независимости в Баку (особенно в последние 5-7 лет) строится огромное количество новых зданий, открываются посольства, банки, офисы международных компаний, всевозможные фирмы, корпорации, супермаркеты, ночные клубы и пр.

Казалось бы - радужная картина, позволяющая говорить о плавном переходе от "города - сырьевой базы" к многофункциональному современному индустриальному городу. Известные издержки при подобном стремительном развитии также, казалось бы, можно признать естественными, а некоторые - неизбежными (во многих больших индустриальных городах возникает самодеятельный "город бедняков"; есть государства, которые целиком превращаются в хинтер-

ланд новорожденной столицы и пр.). Но многое сегодня говорит о кризисе в развитии Баку, что в большей или меньшей степени воздействует на проблемы с развитием демократии в Азербайджане. Приходится признать грустную "функциональную трансмиссию": Баку, начав свое урбанистическое развитие с сырьевой функции, постепенно возвращается к ней. Именно "сырьевая база", с одной стороны, делает Баку инструментом геополитических манипуляций (мы, азербайджанцы, при этом как бы не присутствуем), а с другой стороны, при отсутствии должных демократических институтов, усугубляет масштабы коррупции. Известно, что немало городов исчезло с арены истории из-за хищнической эксплуатации сырьевых ресурсов и необеспеченной "функциональной трансмиссии"; нет оснований исключать подобный сценарий развития событий и для Баку.

Впрочем, возможно, что при том историческом катаклизме, который пережил и переживает Баку, просто возникают трудно фиксируемые мутационные явления. Они ведут к появлению новых энергичных людей с иным стилем жизни (возможно, пока "бесстильных"), а большинство людей не принимают их ни эстетически, ни этически. Дистанция времени, возможно, снимет многие вопросы и сумеет гармонизировать "старое" и "новое" мировоззрения.

Приведу два фактора в развитии Баку, которые, на мой взгляд, в наибольшей степени стали (становятся) тормозом на пути развития демократии в Азербайджане.

А) Крайности централизации

Баку, в котором сосредоточена вся политическая и административная власть, с какого-то времени стал подавлять политическую, общественную, интеллектуальную и даже творческую жизнь в регионах. В политическом плане подобная централизация является продолжением и проявлением иерархической вертикали власти в Азербайджане. Дело не только в выхолащивании регионов, но в том, что сам Баку не выдерживает потока беженцев, вынужденных переселенцев и просто мигрантов, которые устремляются туда, где на их взгляд больше рабочих мест. При отсутствии органичной "функциональной трансмиссии" различные способы поведения в городе становятся взаимовраждебными, и трудно прогнозировать, как поведет себя этот пестрый котел. Впрочем, метрополия, высасывающая провинцию и сама разрушающаяся под её напором - не столь уж исключительное явление

Б) Нерелексивный принцип городской жизни.

Нормальная жизнь города требует полноты информации о себе

(даже если это не демократический город) - от хозяйственной деятельности до многообразия мнения горожан по тем или иным вопросам. Поэтому город должен прибегать к постоянному *самоописанию* и *саморефлексии*, которые должны обеспечить *саморегуляцию* его хрупкого (в данном случае это достоинство города, как хрупкость демократии - её достоинство) социального общежития. Без подобной деятельности город постоянно будет скатываться к традиционно-сельскому образу жизни (который всегда живет на задворках и в "подсознании" города), а саморефлексии через постоянный приток информации будет предпочитать прошлый неререфлексируемый опыт предков. В таких случаях прошлое, как более стабильное и глубже укорененное в сознании, будет возвращаться, но уже в извращенных формах.

В повседневной жизни Баку, в его управлении, в его, если можно так выразиться, философии жизни, информация и самопознание в целом не обрели подлинной функциональности (попробуйте выяснить, скажем, такие важные для развития города вопросы, как динамика соотношения городских и сельских зон, доходы граждан, характер миграций внутри города, демографические характеристики центра города, количество мигрантов, динамика их заселения в городе, детальная медицинская статистика и т.д.). Конечно, как грибы после дождя возникают все новые и новые газеты и журналы, которые в той или иной мере выражают общественное мнение. В последние годы открыто множество различных аналитических центров, существуют вузы с научными кафедрами, научно-исследовательские институты. Но все они, работающие лучше или хуже, *институционально не встроены* в городскую жизнь, не вписаны в городскую многофункциональную деятельность для обеспечения информационно-адаптирующих функций в развитии города, а через него - и страны. В результате реанимируется традиционное патриархальное сознание, которое, в свою очередь, незаметно трансформируется в трайбалистски-клановое. Баку в этом смысле становится не гарантом политической стабильности, а рассадником постоянного социального недовольства как внутри самого себя, так и вовне.

Неуправляемые поселения, спутники почти всех больших индустриальных городов, так и норовят прорваться к центру Баку и навязать свою эстетику жизни, эстетику "временщиков". Демократическая риторика становится способом замаскировать трайбалистски-клановую организацию социальной жизни. При этом жители столицы все больше политически и культурно отделяются от остального

населения Азербайджана. По данным переписи 1997 года более 60% населения Азербайджана живет в городах; по данным той же переписи население Баку составляет более 40% населения Азербайджана (в реальности ещё больше, поскольку многие "мигранты" практически живут в Баку нелегально).

Азербайджанцы, несомненно, перестали быть сельской нацией, но кто поручится, что мы не превращаемся в нацию "вечных мигрантов" в собственной столице?

Азербайджанская демократия: предварительные итоги

Как оценить демократию в Азербайджане? Можно ли существующий сегодня в Азербайджане политический режим назвать демократическим?

На подобные вопросы трудно ответить конкретно. Во-первых, не существует некоего эталона демократии, по которому можно "измерить" происходящие в Азербайджане процессы. Конечно, имплицитно существует западный "эталон" демократии, который имеют в виду западные миссионеры от демократии, и который пытается имитировать власть в Азербайджане (при случае лицемерно оправдываясь, что мы, в отличие от западной демократии, только начинаем, и этим объясняются наши просчеты). Но описать этот "эталон" практически не удается, и политологам приходится признать размытость понятия "демократия". Во-вторых, вопрос ещё более запутывается, когда речь идет о "транзите демократии" в различных странах и в различных регионах, в том числе - о "транзите демократии" в поставторитарных странах. Вопросов здесь значительно больше, чем ответов: можно ли обнаружить тенденции транзита демократии в поставторитарных странах, и не получим ли мы в результате этих процессов серьезные различия в итогах политической трансформации? Может быть, следует говорить не столько о возникновении новых типов демократии, сколько о "расширении многообразия их неполноценности" и о широкой зоне "серого цвета", образуемой "неполными демократиями"? Правомерны ли опасения, что без особой культуры "правовых норм и нравственных императивов" демократические преобразования невозможны? В какой степени культурные и ментальные особенности препятствуют продвижению демократии? Существует ли вообще "демократический транзит" для поставторитарных стран, если под "транзитом" понимать радикальную перестройку политических институтов, или следует говорить о "заморажи-

вании" посткоммунистического состояния, о "затягивании транзита"? Даже о "застое" демократии, который пришел на смену "приливной волны" демократии ("третьей волны" по определению С.Хатингтона)? Может быть, вообще следует говорить об устойчивости тех или иных признаков, которые уже обретены "новыми демократиями"? В любом случае приходится отказаться от излишних иллюзий и неоправданных ожиданий.

Вопросы эти имеют самое непосредственное отношение к демократии в Азербайджане, и отвечать на них предстоит ещё очень долго. Но даже для предварительной оценки демократических процессов в Азербайджане нет другого способа, как априори исходить из минимальных демократических стандартов. По крайней мере, из этого перечня минимальных стандартов придется выбрать один - выборы (некоторые исследователи считают, что как минимум следует выбрать два критерия: выборы и уплата налогов). Если согласиться с мнением С. Хатингтона, что "демократия не означает решения проблем; она означает лишь возможность смещения правителей", то приходится признать, что и этот параметр демократии в Азербайджане пока не реализован.

Есть ещё один критерий демократии в Азербайджане, которым нельзя пренебречь - свобода, при всем при том, что "свободу" трудно "просчитать". Правозащитная организация "Freedom House" включила Азербайджан в список "несвободных стран", что вызвало раздражение азербайджанских проправительственных кругов, по-видимому, недовольных "неуправляемым миром".

В подобном контексте, если попытаться поставить диагноз демократическому развитию Азербайджана на рубеже десяти лет, то, прежде всего, придется констатировать резкое расхождение между доминирующей политической риторикой и реальностью. Согласно конституции Азербайджана и публичными высказываниями руководящей политической элиты, Азербайджан - демократическое государство, в котором демократические принципы распространяются на все сферы жизни от экономики до культуры, ставящее во главу угла защиту основных прав и свобод граждан. Но в реальности мы видим устойчивую авторитарность, далеко выходящую за требования "транзитного периода", практическое отсутствие разделения властей, и как следствие этого - полную зависимость законодательной и судебной власти от власти исполнительной, подчеркнутое всеисие силовых структур, повсеместное нарушение элементарных гражданских прав, самоуправство бюрократии, господство теневого сектора, само

по себе свидетельствующее о перманентном невыполнении законов, слабость институтов гражданского общества, корпоративно-клановые тенденции (в Азербайджане - в регионально-клановом варианте), раскалывающие азербайджанское общество, и т.д.

При этом было бы крайним упрощением, с одной стороны, демонизировать политическую власть, а с другой - преувеличить необходимость "защиты угнетенных". Приходится признать, что лицемерие властей (кто-то очень точно назвал это "системной неискренностью") - оборотная сторона свойственного даже элите упрощенного взгляда на демократию как на линейно-поступательный процесс, следствие рецидивов массового сознания, в котором главенствовало убеждение, что демократия немедленно должна удовлетворить все материальные запросы и стать гарантом "социальной справедливости". Болезненная реакция на материальные тяготы оказалась питательной средой как для риторики авторитаризма, так и для различных проявлений популистской демагогии.

Переход от авторитаризма к демократии, как правило, не является одномоментным и включает в себя два разных, хотя, возможно, и не разделенных во времени периода: выход из авторитарного режима и собственно создание демократических институтов. В Азербайджане продолжается "первый период"; возможно, он уже перешел в стадию относительной устойчивости (потерял черты трансформации и модификации. Конечно, мы живем в глобальном мире и можно ожидать усиления прессинга со стороны мирового демократического сообщества. Но, к сожалению, многие азербайджанские иллюзии, связанные с этим прессингом, пока не оправдываются. Остается надеяться, что на политическую арену Азербайджана выйдут новые политические акторы, которые совершенно сознательно, без лицемерия начнут процесс демократических преобразований. Тогда, наверное, и начнется транзит в Азербайджане. Со всеми сложностями и проблемами, свойственными любому транзиту.

Послесловие

В процессе работы над настоящей статьей, почему-то постоянно приходил в голову зачин азербайджанских народных сказов: "бири вар иди, бери йох иди". Перевести его можно по-разному; и "один был, одного не было", и "и было, и не было", и "то ли было, то ли не было". Такая многозначность содержится в, казалось бы, очень

простой фразе. Что же тогда говорить о таком сложном явлении, как *демократия*?!

Демократия давно перестала быть идеей, а стала геополитической реальностью. Её универсальность и технологичность, по крайней мере - на уровне демократических процедур, не вызывает сомнений. Но в рамках национальных культур она может быть только уникальной. Уникальной на уровне сказанного и реализованного. И на уровне "несказанного", которое не всегда формулируется и не во всем реализуется в демократических процедурах.

Главное, чтобы "несказанное" демократии не содержало скрытых угроз. Изнутри и извне.